

Вех. Москва. — 1996. — Янв. — С. 7

Сердце, отданное театру

В конце сезона 1926 года, в мои 15 лет, я попала на Булгаковских «Турбиных». Это был восторг и моментальная влюбленность в спектакль и в Мышлаевского—Добронравова. Вначале жалкий, промерзлый, яростный в обвиненьях, почти плачущий от боли, потом вымытый, такой красивый, в чалме из полотенца, согретый водкой, уютом и друзьями, и подлинный кадровый офицер в сцене гимназии. Этот спектакль помню, как прекрасный сон, в нем все эти неповторимые артисты не играли — они жили.

А через 2—3 дня я попала в театр на «Горячее сердце». Сперва была растерянность, недоумение, я не узнавала актеров. Вместо Алексея Турбина—Хмелева, по сцене суетился какой-то бестелесный старец, а мой кумир Добронравов—Наркис, тупое алчное двуногое. Глупые бараны глаза на толстой физиономии (грим — только усы и парик). Он ржал, как конь, особенно в сцене с Матрешей—Шевченко. В то время в остальных ролях были великие, первые старики, но мое потрясение было от Добронравова, которого я видела только что совсем другим. Слово «перевоспложение» я тогда не знала, но с тех пор я рвалась смотреть его в «Унтиловске» Леонова, в «Блокаде» Всеволода Иванова. А уже будучи принятой в Художественный театр, мне выпало счастье видеть его близко на сцене, а потом даже бывать его партнершей.

О Добронравове писали и будут писать, я только хочу добавить то, чему я была свидетельницей. В те годы Борис Георгиевич много играл так называемых социальных героев, часто похожих друг на друга. Но он наделял их такой искренностью, одержимостью, вливал в них свой огромный темперамент, что они становились живыми людьми и такими разными. Зрители радовались и страдали вместе с его героями и после конца восторженно благодарили артиста за прикосновение к жизни человеческого духа на сцене.

В «На дне» я всегда слушала за декорацией сцену Василисы—Шевченко и Васьки Пепла—Добнравова. Бывало жутко, как будто подслушала жизнь и готовящееся убийство,

Б. Добронравов — Войницкий,
«Дядя Ваня»

а в 3-м акте, когда он врвался с воплем: «Чем она тебя, ножом?» — какими страшными были его глаза!

Когда взяли к постановке «Платона Кречета» Корнейчука, Добронравов — хирург Кречет, силой своего таланта поднял эту роль до символа, партнерсы у него тоже были великолепные, и спектакль этот гремел всюду, где бывал театр.

Тихон в «Грозе» Островского. Начало: нескладный, робкий, по-тихому пьющий, боящийся мать Кабаниху. В последнем акте он поднимался до высокой трагедии.

«Вишневый сад» Чехова. Я видела много Лопухиных, но так проникнул в сердце только Он.

«Женитьба Белугина» Островского—Соловьева — одна из любимых его ролей. Боже мой, как же Он играл! Я счастлива, что иногда бывала его партнершей!

Чехов «Дядя Ваня», Добронравов—Войницкий. Так любить, страдать, так взорваться и опять сникнуть мог только Он. Ольга Леонардовна, вернувшись с просмотра генеральной репетиции, сказала мне: «Знаешь, иногда Борис похож на Антона Павловича голосом, фигурой, чем-то похож — иногда».

И, наконец, «Царь Федор Иоаннович» А. К. Толстого. Добронравову эта роль была особенно близка. Отец его был священником, и Борис Георгиевич внешне был похож на отца. Царь Федор чистый, жалающий только добра. Огромные светлые глаза, смотрящие прямо в душу, а в финальной сцене от отчаяния взрыв страшного гнева: «Палачей!» — не прозвучал в последнем его спектакле. После предыдущей картины, уходя со сцены, взявшись за железную дверь, он медленно сполз на пол. Смерть его была мгновенной. Большое сердце, которое Он целиком отдал театру, сцене, не выдержало...

Ушел великий, неповторимый русский артист, действительно национальное достояние нашей Родины, а на доме, где Он жил, до сих пор нет памятной доски. Обидно.